

18+

Евгений Михайлин

# За клюквой

Рассказы



Евгений Михайлин  
**За клюквой. Рассказы**

«Издательские решения»

**Михайлин Е. А.**

За клюквой. Рассказы / Е. А. Михайлин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834516-6

Два рассказа: сквозь смех о вещах вполне серьезных. «За клюквой» — приключения городского подростка в российской глубинке начала 90-х годов. Ее обитатели и нравы. «Плацкартный вагон» — чуть- чуть из жизни семидесятых годов прошлого века. О мужской дружбе и поступках, за которые не бывает стыдно. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-834516-6

© Михайлин Е. А.  
© Издательские решения

# Содержание

Плацкартный вагон	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**За клюквой**  
**Рассказы**  
**Евгений Алексеевич Михайлин**

© Евгений Алексеевич Михайлин, 2016

© Евгений Алексеевич Михайлин, фотографии, 2016

ISBN 978-5-4483-4516-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Плацкартный вагон

Было это, когда батарейки для карманного фонарика начинали доставать за полгода до похода, а разливное пиво ходили пить со своей пустой банкой и названия не спрашивали. Давно это было.

По нескончаемой Сибири, небыстро, постукивая колесами, катится грязный поезд зеленого цвета. Унылую эту картину немного оживляют таблички на вагонах: на одних написано «Барнаул – Москва», на других – «Москва – Барнаул».

Едут в этом поезде пятеро молодых ребят, легко и с юмором относящиеся к трудностям жизни, думающие, что самое лучшее – впереди, а жить им – бесконечно долго. Когда-то они учились вместе в школе. Но быстро прошло то ласковое и беззаботное время. Они очень этого хотели и усердно подгоняли его. Теперь виделись они все реже и реже, а время неслось все быстрее, хотя его уже никто не торопил. У всех было много важных дел, разных забот, но каждое лето, недельки на три, друзья собирались вместе и уезжали в какую-нибудь неведомую даль.

То, о чем давно мечтали – сбылось этим летом. В их жизни навсегда остались Телецкое озеро, алтайские горы, неповторимая река Бия и неопишуемая красота. Все живы и здоровы! Программа выполнена и настроение у ребят замечательное. Они едут домой.

А еще туристов очень радовало одно обстоятельство: в алтайской тайге, где проходил их маршрут, в редких поселках почти не встречались магазины, а если и встречались, то были они очень бедные. Вместо «бедные» более правильно употребить другое выражение, но тогда слово «магазины» будет вообще ни к чему, и получится полная путаница. Итак: в редких магазинах можно было обнаружить соль, спички, конскую сбрую, порох и йод. Реже попадались косы №7 без ручек и лампы керосиновые «Летучая мышь». Керосин не попался ни разу. Туристский опыт, приобретенный на просторах Страны Советов, избавил ребят от голода: все притащили из Москвы. Деньги остались нетронутыми.

Сообщил эту радостную новость завхоз группы так: «Мужики, осталась большая сумма незапланированных денег, и что с этим делать – я не знаю». После восторженных возгласов было принято решение: не ограничивать себя в продуктах для заключительного мероприятия.

Магазины в Бийске оказались богаче, чем в таежных поселках. Удалось купить: консервы «Килька в томатном соусе», плавленые сырки «Дружба», белый хлеб, шоколад и много портвейна «Три семерки».

– Больше покупать не надо, – сказал Антон, – еда должна быть свежая. Если что – добавим в пути.

Добавить что-нибудь в пути по Западной Сибири – невозможно. Это бывалые путешественники должны были сообразить. Но они не сообразили. Дальнейший поиск еды прекратили и заторопились на вокзал. Тянул не сам вокзал с заплыванным залом ожидания, спешащими пассажирами и бесконечными объявлениями из трещащего громкоговорителя; на вокзале был буфет. На стене, в помещении буфета был нарисован мчащийся локомотив с надписью «Вперед, к победе коммунизма». У него был мощный прожектор, пробивающий густой мрак, через который лежал путь к победе. По чьему-то недосмотру в проекции луча, прямо на пути локомотива стоял обычный буфетный столик, за которым молодые люди комсомольского возраста, не таясь, распивали водку. Конечно, они не хотели опозлить великую идею и уж тем более встать на пути могучего движения: им некогда было сосредотачивать внимание на картине местного художника и вникать в его замысел. У парней был обеденный перерыв и очень мало времени – упрекнуть их было не в чем. Обратили внимание на эту коллизию только наши путешественники.

– Интересно, у столика тормознет? – кивнул на локомотив Сергей.

– Еще бы! Там же люди! – не задумываясь, ответил Игорь, не уточнив, каких людей он имеет в виду – за столиком или в мчащемся составе.

– Хорошо здесь! – оглядевшись, сказал Егор. – А если бы еще и котлеты были.

– С собой можно взять, – добавил Антон.

Были пирожки с ливером. Очень дешевые.

В плацкартном вагоне нет ковровых дорожек и отдельных купе. Мимо тебя постоянно кто-то ходит, бесцеремонно забегают дети, которых потом по всему вагону ищут родители. Звуки и запахи меняются причудливо и непредсказуемо. Поездка обогащает интересными наблюдениями и историями, всегда располагает к общению и новым знакомствам. И почему-то всегда после поездки в плацкартном вагоне хочется помыться в бане. Такого непреодолимого желания не возникает ни после путешествия в самолете, ни в автомобиле, ни даже в тракторе.

Ребята ехали в плацкарте. Подошла проводница, чтобы проверить и забрать билеты. Была она молодая, толстая, нескладная и какая-то очень неопрятная. Части ее тела, не прикрытые форменной одеждой, были в розовую крапинку и сильно лоснились. Юбка, видимо, из-за несоответствия размеру тела, сама лезла вверх на ее крутые бедра, и девушка ее постоянно одергивала.

– Ваши билеты, – голос убил последнюю надежду.

Антон протянул билеты и, чтобы заполнить паузу, спросил: «А как зовут нашу красавицу?»

– Клавдия, – ответила проводница и недобро посмотрела на Антона, – вы тут не очень.

Приятно расслабиться, когда знаешь, что можно ни о чем не думать, ничего не организовывать, ничего не таскать, и что без твоих советов поезд довезет тебя, куда надо и почти вовремя.

По какой-то неведомой причине, люди как только садятся в поезд – начинают есть.

Причем это не зависит от того: голоден человек или нет. Слева зашуршала бумага, и потянуло жареной курицей. А это – соленые огурчики. В каком месте вагона их достали – не определить – запах поразил весь вагон. А это домашнее сало с чесноком. Ошибки быть не может, сало где-то рядом. А это хрустит яблоко. Конечно, яблоко! Кто в поезде будет есть сырую морковь!?

Руки ребят сами потянулись к сумкам, и на столе начали появляться продукты, купленные в магазинах города Бийска. Десять пирожков с ливером решили оставить на завтрак. Все разместились вокруг стола и достали кружки.

Вспоминались интересные мелочи, на которые в походе не обращали внимания – не до них было. Еще активнее, чем на месте, проходил «разбор полетов», шутки и комментарии сыпались без остановки. И чем дальше увозил ребят поезд от Алтайских гор, тем эмоциональнее и громче становилось обсуждение поездки. В вагоне зажегся свет.

Попили чай. Подошла молодая женщина и попросила, чтобы разговаривали тише – дети не могут уснуть. Мама была очень симпатичная и милая, все ей заулыбались и стали извиняться. Мама выслушала первые извинения, тактично остановила последующий поток оправданий, улыбнулась и ушла. Немного повздыхав, ребята успокоились. Было поздно. Сон одолел быстро.

Первая половина ночи пролетела незаметно, как и должна пролетать у молодых, здоровых мужчин после хорошего ужина. Вторая половина оказалась хуже. В вагоне было душно и жарко. Кроме этого, поезд надолго остановился на какой-то станции, где женщина – диспетчер по громкой связи руководила сортировкой вагонов. Динамики работали хорошо, и слова диспетчера звучали четко и разборчиво. Командование осуществлялось при помощи отборного мата, перемешанного с профессиональным жаргоном. Короткие, по отдельности ясные

указания столь витиевато вплетались в местный диалект, что в итоге получались непонятные, а иногда и противоречивые команды. И если обычный шум не всегда будил уставших пассажиров, то ночная деятельность на сортировочной станции заставляла их переживать за результат – сон пропадал.

Распоряжения предназначались какой-то Арбузовой, непосредственно руководившей сортировкой. Судя по информации из динамиков, Арбузова эта была чрезвычайно бестолковая, медлительная и развратная женщина. А некоторые высказывания диспетчера прямо указывали на отсутствие у нее всякой разборчивости, морали и сдерживающих факторов, свойственных советскому человеку. Несмотря на неопределенность команд, низкие деловые и моральные качества Арбузовой сортировка вагонов проходила четко и слажено. Непонятные для пассажиров формулировки рабочим-путейцам были хорошо знакомы и толковались однозначно. Грохотали вагоны, гудели тепловозы, клацали сцепные устройства и над всем этим, в теплой, звездной ночи звучал властный голос диспетчера. Когда поезд тронулся, ребята пожалели об одном – громкая связь была односторонняя.

Утром заработало радио. Голова Сергея свесилась с верхней полки: «А как ты думаешь, Игорек, что сейчас звучит по радио?» Игорь молчал. Сергей дотянулся до ручки громкости и снова повторил свой вопрос.

– Шопен. Семьсот семьдесят седьмая рапсодия, – пробурчал Игорь.

– А исполняет кто?

– Арбузова.

– А ты кого сейчас больше любишь – Шопена или Арбузову?

– А только он может реагировать на этот вопрос? – спросил проснувшийся Николай.

– Молчу, молчу, молчу, – пропел Сергей, и всем стало ясно – уснуть не удастся.

Ребята оделись и стали разбираться с продуктами. Еды осталось немного. Несколько плавленых сырков сиротливо лежали на стопке шоколада, из сумки торчали две буханки хлеба, а растоптанные пирожки с ливером валялись под столом и восстановлению не подлежали. Полноценного завтрака не получалось. А еще всем очень хотелось пить. Много. После проведенной разведки оказалось, что кроме огненного кипятка из титана пить нечего.

Вы когда-нибудь пили кипяток из титана утром, после большого количества портвейна, выпитого вечером? Не делайте этого. Никогда! И не просите объяснений! Просто поверьте. Что угодно, только не кипяток из титана.

Наши приятели не имели подобного опыта, но каким-то внутренним чутьем уловили, что шутить с кипятком нельзя, не только пить – думать об этом опасно. Нужна была станция. Она не заставила себя долго ждать. Это был провинциальный полустанок с выщербленным асфальтом, покосившимися фонарными столбами и небольшим деревянным зданием неопределенной эпохи. По перрону сновали женщины, наперебой предлагая домашнюю пищу. В том, что еда домашняя, сомневаться не приходилось – другой неоткуда было взяться. Ассортимент не отличался разнообразием, но мог удовлетворить голодных пассажиров.

Интересно и непривычно вели себя цены: женщины крутили ими, как хотели, в отличие от общепита, где цены всегда были стабильные, хотя продуктов могло не быть совсем. Когда покупатели заканчивались, они снижались раза в полтора, а когда поезд трогался – и того больше. Ребята знали эту маленькую хитрость и всегда, под ругань проводников, прыгали в отходящий поезд с дешевой и вкусной едой.

Поезд стоял недолго, но этого времени хватило, чтобы подышать, напиться, покурить, поторговаться и выбрать еду. Егор и Антон быстро погрузились в вагон и пошли наводить порядок на столе, а Сергей, Николай и Игорь поднялись не спеша и очень осторожно. Сергей нес огромный, скрученный из газеты кулек. В нем лежала вареная картошка с укропом. Нико-

лай – большую копченую рыбу. Рыба была еще немного теплая. Запах от этого набора был неопиcуемый.

– Не в тот вагон сели, – сообщил идущий навстречу Егор.

– Как не в тот? – удивился Сергей.

– Все места заняты.

– Я от вагона не отходил, – сообщил Игорь.

– А ты к нему спиной поворачивался? – спросил Антон.

– Да. Вы же не предупредили.

Прошли еще раз. На всех нижних полках сидели или лежали люди.

Газетный пакет с картошкой стал размокать. Сергей растопырил пальцы и плотнее прижал его к себе. Николай удобнее перехватил рыбу и облизнул большой палец. Постояли.

– Надо у проводницы спрашивать.

Антон постучал в купе проводников.

– Что? – это был знакомый голос! Из купе выглянула Клава.

– Простите, я хотел поинтересоваться: какие у нас места?

Девушка удивленно посмотрела на туристов: «Не рано начали?»

– Да мы не начали – с другого конца идем, – примирительно сказал Антон.

– Пошли, – сказала Клава и повела процессию.

В купе ребят, на нижних полках, под одеялами лежали две немолодые, очень грязные цыганки и дружелюбно смотрели на всю компанию во главе с Клавой. Их лица были покрыты слоем пыли от нескончаемых дорог, в ушах торчали огромные серьги, а во рту – золотые зубы.

– Гарик, а ведь она не только гадать умеет, – сказал Сергей, у которого место было на верхней полке.

– Свезло, – добавил Егор, у которого место было напротив Сергея.

Пакет у Сергея совсем размок. При попытке положить его на стол газета разорвалась, и теперь рядом с ливерными пирожками на полу лежала картошка с укропом. Три картофелины попали на стол, и на них Николай аккуратно положил рыбу.

Цыганки ласково заулыбались, но вступить в разговор не успели: их грубо осадила проводница.

– Я где сказала проезжать? – противным голосом спросила Клава.

– Хорошая, здесь свободно было.

– Я куда сказала!?

Цыганки слезли на пол, достали из-под одеяла детей и босыми ногами с прилипшей картошкой зашлепали в сторону тамбура.

– Я сюда не лягу! – сообщил Игорь, обращаясь к проводнице.

– А я и не прошу.

– Замените мне постель.

– Не имею права. Белье выдается на всю поездку, и в случае порчи ответственность за это несет пассажир.

– Но я его не портил!

– А что, я портила?

– Цыганки.

– А я тогда при чем?

Аргумент был настолько сильный, что поставил ребят в тупик. Первым пришел в себя Игорь: «Вы их сюда пустили! Они без билета едут. Или в кассах билеты в тамбур продавать стали? Покажите их билеты!»

– А еще чего тебе показать?

– Требую свежую постель! – решительно заявил Игорь и зачем-то снял очки.

– Ты еще потребуй, чтобы я туда легла!

- ...Нет уж, лучше цыганка.
- Это почему? – непроизвольно вырвалось у Клавы.
- У Вас морщинки под глазами.

Клава сделала усилие, но осмыслить сказанное не смогла. Пауза обидно затягивалась.

- Что у меня?

Не получив ответа, она повернулась и ушла, а туристы поняли, что до самой Москвы рядом с ними будет ехать затаившийся враг.

- Гарик, а ты простынь переверни, – посоветовал Егор.

Игорь двумя пальцами поднял простынь и, посмотрев на матрац, опустил.

- Лучше Клава, – покачал головой Сергей, увидев матрац.

– Игорек, ты быстрее думай, а то постель остынет, – посоветовал Егор, забираясь к себе на полку.

...На Игоря упал спальник. Запахло костром и еще чем-то очень знакомым и приятным.

- Не ушиб, – подмигнул Егор, завязывая рюкзак.

Ребята проверили сохранность вещей и только потом разместились вокруг стола.

Неприятности быстро забылись. Время за разговорами летело незаметно. Наконец все наелись и наговорились. Игорь с Николаем сели играть в шахматы, Антон отправился в туалет, а Егор с Сергеем решили размяться.

Приятно, после долгого сидения, прогуляться по вагону. Пассажиры, давно забывшие посадочную суету, тихо сидели в своих купе. Кто-то читал, кто-то дремал, где-то слышны были тихие разговоры – не разговоры даже – несколько фраз и звон чайной ложечки в пустом стакане... Ребята несколько раз прошлись по вагону и вышли в тамбур. Накурившись, они вернулись в вагон, сели на свободные места и стали смотреть на большую реку, к которой подъезжал поезд.

Сбоку в купе сидел белобрысый мальчик лет семи и водил пальцем по закрытой книге: поезд ехал долго, а мальчики семи лет не могут долго читать книги. Обложка книги была шершавая, и палец скользил очень плохо. Книга постоянно сдвигалась, мальчик нервничал и нажимал еще сильнее. В купе вошла молодая женщина и села напротив мальчика.

- Мам, почему ты так долго?
- Леночка писать захотела, а в туалет была очередь.

Это была та самая симпатичная мама, которая накануне просила ребят вести себя тише. Выглядела оно очень молодо. У нее было красивое лицо, удивительные глаза и ладная, пропорционально сложенная фигурка в тонком, облегающем платье, подчеркивающим ее стать. Женщина села напротив мальчика, сняла его палец с книги, открыла ее и велела читать дальше. Ребята, собравшиеся уже уходить, пропустить такого не могли. Вчера они обратили внимание на ее привлекательность, но сейчас, при дневном свете, она выглядела потрясающе.

– Сереж, посмотри, вот сейчас очень хорошо видно – совсем прямая линия, – прервал молчание Егор и показал пальцем на горизонт.

- ???

– Надеюсь, хотя бы теперь ты не будешь утверждать, что Земля круглая. Образующей шара никак не может быть прямая линия. Я бы стал с тобой спорить, если бы ты утверждал, что она куб или, в крайнем случае, параллелепипед. Но шар!..

- И что же она, по-твоему?

– Посмотри в окно. Видишь, это же огромная, хотя и не очень ровная, но плоскость. Нельзя игнорировать очевидное! Как с этим может спорить взрослый, образованный человек. Да и потом, если это шар, как же на нем могут удерживаться люди, особенно сбоку. Они бы все давно попадали. Попробуй, пройди по стене вагона.

– Ребята, по стене не надо – остановила ученую дискуссию молодая женщина, – меня зовут Лида. Это мой сын Славик. В соседнем купе играет племянница Леночка, а в Москве меня встречает муж Виктор».

– Ну вот, – сказал Егор, – поговорили.

– Меня зовут Сергей, а его Егор, – без всякого энтузиазма сообщил Сергей.

– Вот и познакомились, – Лида повернула голову Славика в сторону книги, велела закрыть рот и стала читать ему книгу.

Шахматисты были на месте, Антона не было. Егор достал шоколадку и постучал по кружке. Игроки отрицательно покачали головами, а Николай добавил: «Подождем Антона».

– Сереж, но ведь замужним женщинам не запрещается есть шоколад, а мальчик, наверняка, никому никаких клятв не давал, – не унимался Егор.

– Если только ради ребенка... – неопределенно пожал плечами Сергей, и ребята стали приводить себя в порядок.

Они засучили рукава, пригладили руками волосы и проверили, нет ли в бородах посторонних предметов. Посчитав, что принятых мер достаточно, захватили шоколадку и отправились к Лиде со Славиком.

– А мы вам шоколадку принесли. Я читал, что если вечером из-за шума ребенок не может уснуть, а на следующий день он вялый и рассеянный – лучше шоколада ничего нет. Славик, ты сегодня вялый? – участливо спросил Егор. Мальчик заморгал глазами и посмотрел на маму.

– Спасибо, вы очень начитанный, – улыбнулась Лида.

– Я же говорил, что им нужна помощь, – обрадовался Егор.

– А еще, в качестве компенсации за вчерашний шум, мы хотим напоить вас чаем и рассказать про Алтай, – добавил Сергей.

– Нам здорово повезло, что послали только делегатов, – засмеялась Лида.

Сергей побежал за чаем, Славика поручили сходить за сестрой, а Лида убрала со стола книжки, протерла стол и развернула шоколад. Скоро на столе появились стаканы с чаем, и все занялась делом.

Тем временем в купе, где продолжалась упорная игра в шахматы, появился Антон. Он долго искал свое полотенце, тщательно вытер руки и спросил: «А где мужики?»

– Взяли шоколадку и куда-то пошли, – сообщил Николай, не отрываясь от шахмат.

Такое заявление насторожило Антона. Немного посидев, он спросил: «А портвейн взяли?»

– Нет.

Это озадачило его еще больше. Какое-то время он сидел молча, а потом попытался выяснить, в какую сторону пошли Сергей с Егором. Не получив вразумительного ответа, он немного поёрзал на сидении, взял шоколадку и пошел направо. Направление было выбрано правильно, и скоро он увидел сидящую за чаем компанию.

– Без шоколада не принимаем, – заявил освоившийся за столом Сергей.

Антон торжественно достал шоколадку и положил на стол. Ее тут же развернули, и когда, на фольге остался последний кусок, в купе вошла девочка с кривыми косичками. Девочка была очень маленькая и поэтому она не могла издалека видеть, что лежит на столе в серебристой фольге. Она робко подошла поближе к столу, встала на цыпочки и, не отрывая взгляда от шоколадки, спросила: «Леночка, а ты скоро к нам играть вернешься?» Ответить сразу Леночка не могла по двум причинам: во-первых, она не знала, как будут разворачиваться события с постоянно появляющимися шоколадками, а во-вторых, ее рот случайно оказался обездвижен неудачно расположившимися кусками шоколада. Девочка с кривыми косичками продолжала ждать. Ножки у нее устали и ей пришлось опуститься. Теперь она видела только фольгу. Антон подвинул к краю стола обертку с куском шоколадки, щелкнул девочку по косичке и улыбнулся ей. Она тут же схватила подарок и убежала. Буквально через несколько секунд около стола

стояли уже три маленькие девочки. Они пришли спросить, когда Леночка придет к ним играть, причем девочка, которая уже спрашивала, стояла в очереди последняя.

– Пошли, – сказал Антон и увел всех посторонних девочек.

Больше ни он, ни девочки не появлялись, а из соседнего купе раздавались их веселые голоса. Можно было догадаться, что там тоже была чья-то мама, потому что маленькие девочки одни в плацкартных вагонах не ездят.

Вскоре выяснилось, что Лида родом из Бийска и ездила домой к родителям. Живет с мужем в Москве и работает учительницей. Как и ребята, «болеет» туризмом и много раз сплавлялась по горным алтайским рекам. Тема оказалась неисчерпаема, и без остановки собеседники рассказывали друг другу разные истории и делились впечатлениями. Когда разговор коснулся Шукшина, Сергей с Егором приумолкли. Лида любила и хорошо знала творчество своего земляка и говорить о нем могла бесконечно долго. Рассказчица она оказалась замечательная, и даже Славик перестал смотреть в окно и внимательно слушал маму.

К вечеру так же внезапно, как появились деньги, закончился портвейн. Кто-то вспомнил, что в поезде есть вагон-ресторан. И тут же, без всяких обсуждений и колебаний все отправились туда.

Ресторан был почти пустой. На окнах покачивались занавески, на столах лежали скатерти и стояли пустые вазочки. Чем-то приятно пахло. Две официантки сидели за столиком и мирно беседовали. На них были одинаковые, очень элегантные, грязные фартучки. Все остальное у них было разное. Блондинка была пышная. При буйном воображении она могла сойти за кустодиевскую барышню. Вторая была брюнетка. Никакой известный художник на таких женщин не реагировал. С первого взгляда было понятно, что это профессионал с хорошей закалкой, и никакое воображение ничего поменять не в силах.

Девушки тоже заметили посетителей. Одежда ребят не отличалась свежестью и ловко маскировала их социальное положение. Все были небритые, лохматые и нетрезвые. Лица, тем не менее, были добрые и открытые, а поведение не вызывало особых подозрений. Такая неопределенность смутила официанток, но веских причин для отказа в обслуживании не было. Выдержав необходимую паузу, к столику подошла Черненькая.

– Что будем?

– А что есть?

– Солянка и котлеты.

– А еще что?

– Вы сначала это попробуйте – все едят.

– Горячий суп необходим для организма, – сказал Антон, – надо брать.

Заказали солянку, котлеты и водку. Суп оказался вкусный и был съеден мгновенно. Так же быстро кончилась водка. Котлеты без водки вызывали недоумение.

– Девушка, – позвал Сергей. Подошла Черненькая.

– Ещё – сказал Сергей, показав взглядом на бутылку.

– Больше не дам. Пьяным не отпускаем.

– Да мы разве пьяные? Ночью плохо спали. Да Вы и сами, наверное, слышали, какая ночь была. А борщ у вас действительно вкусный.

– Солянка.

– Ну да, солянка. Нам только котлеты доесть.

– Пьяным не отпускаем. Пропитесь, приходите.

Такое заявление задело ребят. Более того, оно вызвало общее, бурное возмущение. Было обидно не столько за то, что не отпускают спиртное – унизила сама постановка вопроса. Открыто, без всякого такта им было сказано, что они настолько пьяны и слабы, что не в состоянии выпить еще немного водки и сами этого понять не могут.

– И что же, в таком случае, нам делать с котлетами? – возмутился Антон.

- Доешьте и уходите, обратно не берем, – отчеканила Черненькая.
- Нельзя водку – требую портвейна! – раздался вдруг неуместно звонкий голос Игоря.
- Ты уже раз потребовал постель, – негромко напомнил ему Николай.

Услышав слово «постель», Черненькая, собравшаяся уходить, встрепенулась: «Вы мне тут не хамите!», – и почему-то осталась стоять на месте. Было непонятно: то ли девушка ожидает извинений, то ли ее заинтересовал разговор. Ребята не могли угадать ее желание и отреагировали очень неожиданно.

Снизу ресторанных столиков висели брезентовые ремни. Черт его знает, кому пришло в голову повесить туда эти ремни. Они болтались из стороны в сторону и постоянно напоминали о себе. Можно предположить, что они служили для фиксации поднятых столов или для чего-то еще, но уж никак не для того, чтобы провоцировать посетителей ресторана на необдуманные поступки. Ребята об этом не подумали. Егор вытянул из-под стола ремень, растянул его двумя руками и, сделав движение, которое делают собаки, когда ловят муху, укусил его. Не выпуская изо рта ремень, медленно поднял глаза и стал внимательно смотреть на Черненькую. Сидевшей рядом Сергей вставил себе в глазницу пустую рюмку и тоже уставился на девушку. От пристального взгляда трех выразительных глаз официантка оцепенела. Наступила пауза. Нарушила ее Светленькая: «Пойду за милицией».

- А у них отделение милиции к вагону прицеплено – развязно сообщил Николай.

Никакого отделения милиции ни к вагону, ни к поезду прицеплено не было. Оно находилось на станции Ишим, к которой подъезжал поезд. Проплыло здание вокзала, зашипели станционные громкоговорители, за окнами замелькали люди.

- О! Большая станция, надо за портвейном сбегать – предложил Игорь.

– Куда?

– А мы сейчас спросим, и нам все расскажут, – ответил он с оптимизмом, пытаясь подняться из-за стола.

Однако быстрее, чем ему удалось это сделать, около них появились два сержанта милиции. Они были молодые. Первый был высокий, очень худой и с интеллигентным лицом. Второй был коренастый, с лицом, не обещающим ничего хорошего. Настроены оба были серьезно. Сомнений быть не могло – сержанты подошли не справки давать.

- Эти? – спросил высокий сержант у официанток, которые стояли сзади.

– Да, – отчеканила Черненькая.

– Собирайтесь.

– Куда?

– А в прицепленное отделение – съязвила осмелевшая Черненькая.

Ребята перевели взгляд на сержантов. Высокий утвердительно кивнул головой.

– За что? – хором спросили путешественники.

– Слушайте сюда, артисты. Каждая дополнительная минута простоя поезда многократно усугубляет ваше деяние, – сказал Высокий, явно довольный получившейся фразой.

За что уводили из ресторана путешественников, не дав доесть котлеты?! Каждый из них по отдельности мог вспомнить о себе только хорошее. Оставалось предположить, что, когда их действия наблюдались в совокупности, получался совсем другой эффект, в котором и не разобрались официантки. На всякий случай Егор сказал: «Это у нас такие шутки непонятные, мы больше так не будем». Это заявление осталось без внимания, а Черненькая ехидно хохотнула.

– А куда? – стал вникать в происходящее Антон.

– Поднимаемся, быстро!

Суровый взгляд Высокого и бойцовская стойка Коренастого не оставляли никаких иллюзий – дискуссия не имела смысла.

– С вещами? – спросил Николай.

- А как же! – опередила сержантов Черненькая.
- Но мы их с собой в ресторан не захватили.
- Пошли.

Все пошли в вагон, где ехали ребята: милиционеры – по долгу службы, официантки – для окончательного торжества победы. Пришли. После нескольких взглядов на сержантов Николай полез на третью полку за байдаркой. Привычным, но не очень уверенным движением он потянул байдарку с полки. Второй пары рук, которые в таких случаях всегда возникали без команды и работали синхронно – не оказалось. Байдарка полетела на сержанта. Николай не растерялся и ловко подправил траекторию движения. Байдарка упала на присевшего Антона, который хотел что-то спросить, но не успел.

Высокий сержант посмотрел на верхние полки. Коренастый встал на цыпочки и тоже посмотрел вверх. Потом оба осмотрели багаж на полу. Багаж путешественников составляли: две байдарки, пять огромных рюкзаков, и большой мешок с сырой шестиместной палаткой из толстого брезента. Мелкие сумки считать не стали. Сержанты переглянулись.

– С вещами мы их не доведем, – сказал Высокий.

– А вы их и без вещей растеряете – заметил полный гражданин в голубой майке-алкоголичке, с очищенной воблой в руке. Милиционеры задумались.

– Вещи продолжать снимать? – нарушил их раздумья Николай и тут же получил удар в бок от Сергея.

– Брать будем одного, самого злостного и без вещей – заключил Высокий.

– А кого?

– Вы возьмите того, который ремень кусал, – вмешалась Черненькая. Сержанты не были посвящены в детали хулиганства и очень заинтересовались этим заявлением.

– На обеих? – спросил Высокий.

– Ой, нет. Вы не то подумали, – замахала руками девушка. – На нас он ничего не кусал. Это был ремень столика.

– С какого Толика? – не понял Коренастый.

– Все, хватит! – заключил высокий сержант и полез в свою сумку. – Протокол составлять будем.

Сквозь любопытных пассажиров протиснулась Клава: «Товарищи, надо быстрее, поезд уже пятнадцать минут ждет».

– Весь? – удивился Сергей.

– Весь – серьезно ответила Клава.

– Конечно весь, – недоуменно посмотрел на Сергея Коренастый.

Высокий посмотрел сначала на Коренастого, а потом на Сергея, но промолчал. На Сергея посмотрел и Егор. Высокий забрал у Черненькой исписанный листок и долго читал.

– Кто кусал?

– Вот тот – показала девушка на Егора.

– Пошли.

– За что? У нас в стране не запрещено кусать ремни. Где написано, что нельзя кусать ремень в вагоне-ресторане поезда «Барнаул-Москва»?

– А мы сейчас придем в отделение, и я тебе прочитаю, где это написано, хорошо? – очень спокойно, издевательским тоном ответил Коренастый.

Высокий попросил проводницу принести билет. Клава принесла билет и протянула его милиционеру.

Как только последний сержант ступил на перрон, проводники опустили красные флажки, и поезд тронулся. Провожающие начали расходиться, и никто не обратил внимания на небритого парня в сопровождении двух милиционеров. Замолчал шепелявый громкоговоритель. Перрон пустел. На город спускались ранние сумерки. Светились вокзальные часы, а грязно-

розовое здание вокзала становилось серым. Вечерняя прохлада показалась очень приятной и ободряющей. Егор шел в середине группы. Двигались небыстро. Справа, совсем бесшумно, как в кино, проплывали последние вагоны поезда.

Сзади раздались неуверенные шаги спешащего человека. Милиционеры резко обернулись. Удалось обернуться и Егору. Человеком оказался Сергей.

– Ты штормовку забыл, тут прохладно.

– Ты же поезд не догонишь! – удивленно посмотрел на Сергея высокий сержант.

– Не догоню, – согласился Сергей и протянул сержанту свой билет, – я вас еле догнал.

Таких случаев у сержантов раньше не было. Не возникали они и в их Линейном отделе милиции и, тем более, не были описаны в методической литературе. Требовалось самостоятельно принять решение. На месте. Молчание нарушил Коренастый: «А давай для плана возьмем. Смотри, он и перемещается без посторонней помощи».

– Да, пожалуй, – многозначительно согласился Высокий, он впервые посмотрел на ребят добрым взглядом и улыбнулся.

Когда юноша впервые оказывается со своей избранницей на ложе любви – волнению и смятению его нет предела. Он горит неудержимой страстью, но не хочет обидеть любимую. Он старается угадать ее чувства, но опасается ошибиться и причинить ей страдания. Он испытывает вожделенный трепет и жгучее желание, но боится выглядеть смешным и неуклюжим. О, это юное вздрагивающее тело! От прикосновения к нему голова идет кругом, мысли путаются и исчезают вовсе. Господи, почему сердце бухает на всю вселенную? Она же не услышит его признания... Разве можно без признаний?! Все, чему учили его старшие товарищи – забыто. Никто в этот момент не поможет юноше преодолеть эти сладостные муки. Горе тому, кто обратится за помощью к вину. Бахус ускорит события и упростит дело, но не разделит, а отберет все самое яркое, божественное и неповторимое. Потом жизнь подарит много прекрасных и радостных мгновений – другого Первого раза не будет никогда.

С милицией все обстоит наоборот. Первый раз в милицию надо попадать пьяным. В этом случае Ваше первое посещение пройдет почти безболезненно: не будет неуместных нравственных мучений и самоистязаний; не возникнут мысли о неблагодарности к родителям и трудовому коллективу, верившему в Вас; страх за свою репутацию не будет преувеличен. Хуже от этого не будет – если нашелся повод забрать, то состояние, в котором Вас доставят в отделение, значения не имеет. Очень желательно, хотя бы немного, осознавать происходящее, иначе утром на Вас свалится двойной груз: тяжелое похмелье и неприятная новость о вашем местонахождении... Потом, когда закалится воля и огрубеет душа, все будет происходить легко и обыденно независимо от Вашего состояния. Впоследствии, даже глубоко интеллигентные и ранимые люди не испытывают от этого сильных душевных травм.

Конечно, наши путешественники, потребляя портвейн с водкой, не думали о подобных нюансах; жизнь мудро распорядилась сама – кондиция у них оказалась самая подходящая.

Шли недолго. Милиция оказалась рядом. Это было старинное, одноэтажное здание, которое находилась за высоким забором и имело просторный дворик. Вполне возможно, раньше здесь помещалось Линейное отделение царской полиции или что-то в этом роде. Во дворике стоял один мотоцикл со специальной окраской и два велосипеда. Первое помещение, куда попали ребята, вид имело мрачный. Стены были выкрашены темной сине-серой краской. На уровне головы проходил широкий красный бордюр, отделяющий краску от побелки. На потолке тускло светилась лампочка. Комната была разделена на две половины деревянным барьером, окрашенным так же, как стены. За барьером стоял письменный стол, на котором светилась настольная лампа. За столом сидел лейтенант. Откуда-то раздавались сдавленные крики и стоны.

– Что-то серьезное? – спросил лейтенант у высокого сержанта.

– Нет. Вот показания официантки, – Высокий протянул лейтенанту протокол и документы ребят. – Завтра сами что-нибудь добавят, сейчас бесполезно.

Лейтенант долго читал листок, то поднимая, то хмуря брови. Потом посмотрел на ребят: «Снимайте ремни, вынимайте все из карманов и сложите сюда». Поставив на стол пустую коробку, он вышел из-за барьера, прошел в конец комнаты и, позвонив ключами, открыл КПЗ.

Камера оказалась совсем не такая, какие показывают в кино. Почти до потолка стены в ней были обиты деревом. Вдоль стен были закреплены широкие деревянные лавки. Дерево было отполировано одеждой предварительного заключенных и блестело, как лакированное. В камере было негрязно, и горел мягкий, рассеянный свет, как в интимном кафе. Выглядело все это очень симпатично, и, если бы выход был свободный, этому помещению легко можно было бы найти другое применение.

На лавке лежал худой мужик неопределенного возраста. Вид у него был странный. На нем была засаленная телогрейка, одетая на голое тело, солдатские галифе и коротко обрезанные валенки. В грязных волосах застрял репейник – свидетельство недавней свободы. Ошеломляющее впечатление производило лицо мужика – оно было побрито. Мужик издавал громкое сопение и периодически вскрикивал.

– Больше не шуми. Ребят разозлишь, помочь не успею, – обратился лейтенант к мужику и, немного подумав, добавил. – Впятером брали, еле справились. Услышанное произвело на мужика сильное впечатление. Он замолчал, сел и почтительно подвинулся в угол. Ребята сели на лавку. В руках лейтенанта звякнули ключи, и дверь закрылась.

А тем временем в вагоне вырабатывался план действий по спасению друзей. Приняли в нем участие даже некоторые пассажиры вагона. Все были настроены по-доброму и хотели помочь, но дельных советов ни у кого не было. Например, полный гражданин в голубой майке-алкоголичке внес предложение о разгоне всей советской милиции вместе с работниками общепита – естественно, это предложение было отвергнуто. Другие советы были менее радикальны, но тоже не подошли. Обсуждение шло настолько бурно, что даже Антон заинтересовался происходящим и спросил: «А где Егор и Серега?» Наконец возникло предложение собирать подписи. Идея понравилась всем.

В обществе это было обыденным и привычным. Подписи в стране начали собирать, когда наших путешественников еще не было на свете. Собирали их, чтобы заклеить позором врагов народа, чтобы выразить одобрение какому-нибудь мудрому решению Партии, чтобы рапортовать Вождю о невиданных победах в труде. Потом подписи стали собирать в защиту прав угнетенных народов, в осуждение вредных писателей, произведения которых, как правило, никто не читал. Подписывали требования о прекращении мировой гонки вооружения и даже о предоставлении свободы Анджеле Дэвис и Нельсону Манделе, что особенно воодушевляло друзей.

Быстро нашли бумагу и ручку, освободили стол. Сели писать заявление. На этом дело остановилось. Текст не получался. Тот набор слов, который предлагался, совсем не разъяснял суть, а только запутывал дело. По сравнению с ним разговор сержанта с Черненькой был верхом логики и красноречия.

Время шло. Бурное обсуждение результатов не принесло, и народ стал расходиться. Спать хотелось и ребятам. Кто-то из друзей даже вспомнил пословицу: «Утро вечера мудренее». Вдруг мобилизовался Антон: «Спать нельзя! Это будет предательство по отношению к мужикам. Текст надо составить сейчас и подписать у тех, кто не спит. Многие очевидцы, пока мы проспимся, сойдут с поезда». Замечание было признано разумным и друзья «взяли себя в руки». Через некоторое время подтвердилась старая истина: «Чем меньше советчи-

ков, тем лучше». Вскоре все было готово. Заявление получилось очень доброе. Оно не только не оскорбляло, а, напротив, поднимало на невиданные высоты отечественный общепит и советскую милицию. Виноват же во всем был нелепый случай, от которого никто не застрахован. Появилась надежда, что при определенном подходе к официанткам даже они могли его одобрить. Друзья обошли весь вагон и подписали петицию почти у всех бодрствующих пассажиров, благоразумно рассудив, что к официанткам лучше зайти утром. С чувством выполненного долга они тут же заняли свои места и уснули...

...Егор с Сергеем сели на лавку.

– Правда, «мусорам» навалили? – спросил мужик

– Да.

– Завтра утром придет старлей. Отыграется. Свирепый, гад.

– И ему навалием. Многозначительно помолчали.

– Витек, бля, – представился мужик.

– Как ты сказал, фамилия? – спросил Сергей.

Мужик долго соображал, а потом по-детски заулыбался беззубым ртом – шутка ему понравилась.

– Серега.

– Егор.

Разговаривать не хотелось. Ребята прислонились к стенке и прикрыли глаза. Представилась бурная река. Крутые берега, огромные острые камни, водовороты и пороги. По берегам темный, неприветливый лес. Егор на своей старой, хорошо подготовленной и проверенной байдарке идет по реке. Не первый раз он проходит на ней сложные участки и опасные пороги. Байдарка послушна и надежна. На нем яркий спасательный жилет. Впереди большой, опасный порог. Он пойдет по главному сливу. Это почти водопад, но он должен пройти! Уже слышен порог. Пока это не рев, а очень глухой, наполняющий все пространство гул. Даже неискушенный человек чувствует, какая грандиозная сила и мощь находится впереди...

В камере тепло и спокойно. Тихо посапывает Витек. Сон постепенно завладел сокамерниками.

...В реке, среди волн, между огромных, черных камней застрял разбитый деревянный плот. Большие бревна веером торчат вверх. На остатках плота, судорожно вцепившись в веревки, держится муж Лиды. Он жалок и беспомощен. Вдали, среди бурунов изредка показывается чья-то голова. Это Лида! Егор изо всех сил гребет к ней. Порог уже рядом. Он гремит в полную силу. Успеть! Только успеть!!! Вот показалось начало слива. Внизу огромная «бочка» с сильным обратным течением, дальше – громадные волны. Если девушка и сумеет схватиться за байдарку, она не сможет удержаться за нее в этом месиве воды. Байдарка бесполезна, она будет только мешать. Спасательный жилет должен удержать их обоих. Поравнявшись с Лидой, Егор выпрыгивает из лодки, хватает девушку и крепко прижимает к себе. Впереди самое опасное – «бочка».

– Вдохни, – успеваешь крикнуть Егор, и они погружаются в пучину.

Исчезло небо. Грохот и бурлящая вода кругом. Не хватает воздуха. Крепкие руки судорожно сжимают хрупкое, податливое тело. Только удержать ее около себя, не выпустить! Еще немного!

Мелькнуло синее небо, пены стало меньше, «бочка» позади. Начались большие волны, но они уже не так опасны. Можно дышать. Порог кончился. Плес. Отмель.

Егор выносит обессилившую Лиду на берег. На ней то самое, тонкое платье. Мокрое – оно стало почти прозрачным. Девушка не замечает этого. От испуга и холода ее бьет дрожь.

По лицу стекают крупные капли воды. Егор снимает с себя спасательный жилет и одевает на Лиду – будет немного теплее. Они опускаются на камни. Чтобы согреться, какое-то время сидят, крепко прижавшись друг к другу.

– Если не Вы, я бы наверно погибла? – спрашивает девушка.

– Вы отдохнули? Пойдемте. Скоро стемнеет.

Они идут вверх по берегу. Постепенно высокая трава и густые кусты сменяются молодыми березками. На высоком берегу, среди деревьев стоит старая, потемневшая скамейка. На ней сидит Шукшин. Заходящее солнце освещает его обветренное лицо. Он щурится и слегка улыбается. Перепутать это лицо нельзя ни с каким другим. Конечно, это он.

– Устали? А вы садитесь рядом, отдохните, – Писатель встает и смотрит вдаль. – Хорошие у нас места. Сколько смотрю, а все душу ломит. Не могу насмотреться, надышаться этой красотой.

Он подходит к стройной березке, гладит ее ствол.

– А, правда, нет ничего замечательнее этих красавиц?

Авторитет писателя настолько велик, что Егор не может возразить ему. Если бы снять с Лиды спасательный жилет, выбор Василия Макаровича наверняка был бы в ее пользу. Но жилет хоть немного, а согревает ее. Да и поймет ли его Лида. Писатель лукаво улыбается, смотрит на него и ждет ответа. Лида прижимается к Егору так, что губы ее слегка касаются его уха: «Не возражай ему, соглашайся, я все прощу»...

– Петр, Петр.

Егор открыл глаза. По левому уху ползала муха. Егор попытался ее убить. От громкого звука проснулся Сергей. Витек продолжал толкать Сергея в плечо: «Петр, Петр».

– Я Сергей.

– Чай будешь?

Витек вывернул карман галифе. Из углов кармана, который походил на использованный мешок от пылесоса, он набрал небольшую горсть чая и аккуратно высыпал на лавку. Не обращая внимания на ребят, сосредоточено разделил ее на три части.

– Вот. Пожевать.

– Это?!

– Петр, это чай!

– Я Сергей. А кофе нет?

– Нет, – вполне серьезно огорчается Витек.

– А это какой чай? – примирительно спросил Сергей, понимая, что мужик от всего сердца отдает самое дорогое, что у него сейчас есть.

Такие тупые вопросы Витьку еще никто не задавал.

– Хороший.

Ребята попали в неловкое положение. Если бы не этот бескорыстный поступок, свидетельствующий о глубоком почтении и уважении, они давно бы уложили Витьку спать и легли сами. Но тут...

– Петр, а ты какой-то особенный чай любишь?

– Да. На ночь мы жуем только «Черный байховый номер пять».

– И вы не будете? – с надеждой спросил Витек и, не дожидаясь ответа, соединил три кучки в одну, пересыпал на грязную ладонь и отправил в свой беззубый рот.

– Почему не будем? – спросил Егор, дождавшись, когда мужик закроет рот.

Витек вздрогнул, выпучил мутные глаза и умоляюще посмотрел на Сергея.

– Жуй, жуй, он после тебя.

Все прислонились к стене и закрыли глаза. Сон возвращается медленно. Возникали какие-то неясные образы – все расплывчато, в каком-то сером тумане. Но вот проявилась моло-

дая рощица. Солнце уже зашло, и деревья выглядят, как на черно-белой фотографии. Вот темная скамейка. Да, это та самая скамейка, но Лиды на ней почему-то нет. Вот Писатель. Он стоит без пиджака, прислонившись к березе, и курит...

– Твоя очередь.

Егор открыл глаза. Одной рукой Витек дергал его за рукав, а пальцем другой руки показывал на свой рот.

– Убью, урод, – закричал Егор.

Вздрыгнул и проснулся Сергей. В замке загремели ключи.

– Что тут у вас? – спросил лейтенант.

– Это я во сне, извините.

Больше к Егору не вернулись ни Лида, ни Писатель. До утра он забылся беспокойным, тревожным сном.

Через маленькое окошечко в камеру пробивался солнечный свет. Было раннее утро. Спать не хотелось. Состояние было поганое.

– А в ресторане мешали? – спросил Сергей.

– Я не помню, Игорь заказывал.

– Пить хочу, не могу.

– А вы постучите, – посоветовал Витек.

Он был бодрый и, судя по всему, проснулся давно, но к ребятам не приставал и вел себя спокойно.

Постучали. Сходили. Не полегчало. Долго сидели молча. Разговаривать не хотелось. Порядки подобных заведений ребятам были незнакомы, но, чтобы не подорвать свой авторитет, у Витька консультироваться не стали. Решили ждать. Наконец, дверь открылась. В камеру заглянул старший лейтенант. Скорее всего, это был тот «свирепый старлей», про которого накануне рассказывал Витек, хотя вид его не внушал особого ужаса.

– Выходи, студенты.

«Студенты» вышли из камеры и встали напротив деревянного барьера. Старший лейтенант достал бумаги и стал читать.

– Рассказывайте, – сказал он, внимательно изучив написанное.

Вспоминать начал Сергей. Голова сильно болела, но работала сносно. Он тщательно подбирая слова, чтобы рассказ выглядел объективно, но в пользу друзей, а Егор добавлял детали, придающие событиям особую правдоподобность. В результате сложилась картина, свидетельствующая о том, что перед старшим лейтенантом стояли жертвы гнусного заговора сотрудников общепита поезда Бийск – Москва, которые коварно спровоцировали порядочных молодых людей на совершенно несвойственные им поступки.

– Вы все это хорошо помните?

– Не очень, – быстро сориентировались ребята.

– Слушайте внимательно. Оформлять не буду. Поезд у вас вечером, и, успеете вы на него или нет – зависит от вас. Надо наколоть дрова. Много. Пока все не переколите – не отпущу. Берите в помощь этого придурка и вперед. Сержант проводит. Согласны или хотите по Закону?

– Не хотим по Закону! – превозмогая боль, замотали головами арестанты.

Захватив Витьку, сержант вывел всех на задний двор. Во дворе лежала огромная куча напиленных березовых чурбаков довольно внушительного диаметра – здание имело печное отопление и милиционеры заранее готовились к холодам. Сержант вынес небольшой колун и протянул Сергею.

– А рукавичек нет?

– Перебьешься, – невежливо ответил он и ушел.

Перспектива вырисовывалась нерадужная. Ребята не понаслышке знали, как колоть дрова, и понимали, что работа предстоит большая. Управиться до отхода поезда, да еще с таким колуном будет сложно. Силы распределили следующим образом: Витька назначили подавать чурбаки и уносить колотые дрова, а Егор с Сергеем решили, по очереди, колоть. Однако после двух попыток стало очевидно, что использовать Витьку на этом участке нельзя. Координация у ребят еще не пришла в норму, а у Витьки была, наоборот, в норме и, видимо, с детства. В связи с этим существовала опасность, что он мог не успеть отойти или слишком быстро вернуться. На других участках пробовать его не стали. И без проб была видна его полная непригодность к любому роду деятельности. Да и, как справедливо рассудили ребята, задача по трудовому воспитанию Витька возлежала на обществе, а у них была другая – уехать на сегодняшнем поезде. Витек совершенно не огорчился, отошел подальше, сел на березовый чурбак и стал изучать содержимое своих карманов.

Самое хорошее похмелье – ударный труд. К обеду ребята были в форме и даже сильно проголодались. Куча заметно уменьшилась.

– Поесть бы что-нибудь, – посетовал Егор.

– А вы постучите, – посоветовал Витек. – Мне можно только чай. Покрепче.

На стук вышел сержант.

– Скажите, товарищ сержант, обед нам полагается? Мы спрашиваем не потому, что мы такие принципиальные. Намахались вот, кушать хочется.

Сержант молча повернулся и ушел. Ребята, вздохнув, взялись за колун. Однако, через некоторое время сержант вернулся: «Обед будет, если вас оформить».

– Нет, лучше без обеда, чем по закону, – замотали головами друзья.

Часа за полтора до отхода поезда все дрова были наколоты. Старший лейтенант пододвинул коробку, где лежали нехитрые вещи и немного денег, вручил документы и билеты.

– Свободны.

Слова эти не были неожиданными, но услышать их оказалось очень приятно. Ребята улыбнулись и, немного помявшись, Сергей спросил: «А „Телега“ будет?».

– Нет, – так же лаконично ответил старший лейтенант.

«Телега» – явление очень неприятное, если не сказать более. Это было официальное сообщение по месту работы или учебы из органов МВД о допущенных гражданином нарушениях. Руководство же, в свою очередь, по каким-то неписаным законам обязано было отреагировать на эту информацию. Результат зависел от степени вины гражданина и человеческих качеств начальника, но премии, как правило, лишали всегда. Кроме этого, вам предстояло выступить с рассказом о похождениях на партийном или комсомольском собрании, где ваши товарищи, вдоволь нахохотавшись над вашими приключениями в курилке, гневно осуждали Вас за очернение облика советского человека и несоблюдение Морального кодекса строителя коммунизма. Все это можно было пережить, но премии всегда было жалко. Дело этим не заканчивалось – система была накопительная. Если появлялся «Обоз» – последствия были печальные. При распределении путевок в санатории и пансионаты шансы снижались до нуля. Если же на предприятие выделяли автомобили и квартиры, а вы стояли в очереди – воспитательный удар мог быть сокрушительным.

Получив заверение, что «Телеги» не будет, абсолютно счастливые, не попрощавшись, друзья выскочили на улицу. Как и в первый вечер, Ишим встретил их без особых почестей. Ребята же обрадовались городу, как родному. С отличным настроением, массой незабываемых впечатлений, с кровавыми мозолями на руках и отменным аппетитом они гордо зашагали в сторону станции, справедливо полагая, что на станции должен быть буфет. Буфет на станции был. Не оказалось денег. Точнее говоря, деньги были, но основная их масса была в поезде

у Антона – спешка при сборах никогда не приводит ни к чему хорошему. После несложных расчетов стало ясно, что удовлетворить все потребности не удастся. Подумав, решили купить пачку «Примы», оставить десять копеек на метро, а остальное потратить в буфете. Потратили – состояние не изменилось.

Приятно с уличной прохлады попасть в теплый, уютный вагон. Ребята быстро нашли свои места и забрались наверх. Пришла женщина с очень маленьким мальчиком. За ней, в несколько приемов, появился мужчина и много вещей. Они разместились внизу. Как можно было понять из разговора, это была семья военного. Мужчина был без формы, маленького роста, щуплый и совсем не похож на храброго офицера. Сначала даже ребята подумали, что ошиблись в своих предположениях, но после нескольких его шуток они утвердились в своем мнении. Жена его оказалась женщиной суетливой и разговорчивой. Поезд давно тронулся, а она все перемещалась по купе, что-то перекладывала и обстоятельно это комментировала. Мужчина изредка шутил, давно понимая, что остановить это невозможно. Мальчик уселся к папе на колени и, не обращая внимания на родителей, смотрел в окно. Военный был в отпуске, и семья возвращалась в часть от родителей жены, нагруженная домашним питанием и кулинарными заготовками. Мужчину звали Виталик, мальчика – Митенька, а женщину – «ты».

Подошла проводница, собрала билеты и предложила всем чай и постель. Соседи не отказали себе ни в чем. Проводница долго не появлялась и, наконец, принесла два комплекта белья и три стакана чая. Когда чай немного остыл, Виталик предложил перекусить. Зашуршала бумага, и купе наполнилось ароматом добротной, домашней пищи. На столе появилось: колбаса домашняя с чесноком, холодное мясо, огурцы малосольные с укропом, лук зеленый, картошка в кастрюльке, политая ароматным подсолнечным маслом, деревенский ноздрястый хлеб. Женщина продолжала выкладывать продукты, но ее остановил Виталик, указав на размеры стола. Он ссадил сына с коленей и достал бутылку коньяка. Женщина не стала возражать – она была великодушна и прощала своему Виталику маленькие слабости. Характерный звук заставил ребят взглянуть на стол. Такой пытки они вынести не могли.

– Пойдем, покурим, – предложил Сергей.

Ребята слезли и ушли в тамбур. Надолго. Они покурили и немного поговорили. Поезд остановился на станции – они погуляли по перрону. Поезд тронулся – они погуляли по вагонам. Стемнело – покурили.

– Я спать хочу, пошли, – предложил Сергей.

– Пошли.

Когда ребята вернулись, то обнаружили новых соседей. На боковых местах, положив локти на стол, сидели две пожилые тетки. Головы обеих покрывали одинаковые платки с аккуратными узелочками. Несмотря на духоту, на одной была одета теплая кофта. Судя по ее виду, можно было предположить, что это самая любимая вещь, и она не снимает ее ни в огороде, ни на ферме, ни на колхозном собрании. Тетки давно уже все сказали друг другу и молча думали каждая о своем. Лица у них были серьезные, а мысли – далеки от сиюминутных забот.

В семье военных, вопреки ожиданиям ребят, перемены наблюдались незначительные: обстановка стала более теплая, а женщина получила имя Люся.

– Виталик, ты должен доесть колбасу, хотя бы нарезанную. Митенька, а ты съешь яблочко, и я уложу тебя спать.

– Лучше конфетку, мам. Яблочки невкусные, бабушка их даже Ваське не дает.

– Какому Ваське?

– Поросенку.

– Правильно, у бабушки нет столько яблочек, чтобы ими поросенка кормить, а так бы Васька их с удовольствием съел.

– Значит, бабушка жалеет для Васьки яблочки?

– Ну, да.

- А для меня не жалеет?
- А для тебя не жалеет.
- А почему?
- Люсь, дай ему конфету, я уже налил.

Идти догуливать в тамбур не хотелось. Хотелось спать. Ребята положили под головы штормовки. Работа на свежем воздухе и хроническое недосыпание быстро повергли их в глубокий сон.

В вагоне играло радио, в окна светило солнце. Утро переходило в день. Попутчиков снизу не было, и только неубранный стол напоминал о дружной семье. Сергея кто-то тормозил за ногу. Он с трудом открыл глаза и поднял голову – просыпаться не хотелось. Внизу стояла пожилая тетка в старой кофте. Она была маленького роста и с трудом дотягивалась до второй полки.

– Сынок, ты прости, что разбудила. Вы спуститесь, покушайте, а то проводница придет прибираться и унесет все.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.